Международные процессы, Том 15, № 4, сс. 77–92
DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.5

ФАКТОР СОВЕТСКОЙ УГРОЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АДЕНАУЭРА

АЛЕКСЕЙ СОРОКИН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Резюме

В статье рассматривается восприятие советской угрозы первым федеральным канцлером Конрадом Аденауэром. Реконструирована оценка Аденауэром внешнеполитических возможностей и шансов ФРГ с началом «холодной войны». Рост противоречий между СССР и западными союзниками Аденауэр стремился использовать для вхождения ФРГ в западную систему союзов. Действия канцлера по рациональному применению конфликта Восток–Запад в целях западной интеграции рассмотрены на примерах использования прецедента Корейской войны, включения ФРГ в доктрины сдерживания коммунизма, поддержки идей «спасения христианского Абендланда». С началом Корейской войны Аденауэр, существенно преувеличивая угрозу, обратился к западным державам с просьбой дополнительных гарантий безопасности, подразумевающих включение ФРГ в западный оборонительный союз. Канцлер подчёркивал азиатскую сущность советской тоталитарной империи, противопоставляя ей свободные народы христианской Европы, неустанно повторял о необходимости коллективного отпора советской угрозе, отводил Западной Германии особую роль на передовой холодной войны. Рассмотрены как внешнеполитические шаги и инициативы Аденауэра, так и методики внутриполитической пропаганды в целях конструирования общественного мнения. Канцлер использовал антикоммунизм во внутриполитической борьбе как инструмент консолидации общества вокруг своих идей, вокруг своей партии, противопоставляя ему нечто чуждое и враждебное, постоянно говоря об опасности. При этом Аденауэр сознательно упрощал ситуацию, завышал военно-политический компонент советской опасности. В результате антикоммунизм, антисоветский курс путём выявления преувеличения угрозы, демонизации образа СССР определяется как функциональный, стимулирующий аспект западной интеграции ФРГ.

Ключевые слова:

внешняя политика ФРГ; Конрад Аденауэр; холодная война; НАТО; СССР; западноевропейская интеграция.

Новейшая история изобилует примерами инструментализации внешней угрозы стране в интересах правящего режима. При этом, как правило, имеет место гиперболизация масштабов реальной опасности. В результате целенаправленной пропаганды, конструирования общественного мнения создаётся упрощённый и негативный образ врага отдельной страны или нации, призванный мобилизировать население вокруг власти и манипулировать им в собственных внутри- и внешнеполитических интересах[1].

[1] Данная проблематика активно разрабатывается в рамках так называемой теории войн отвлечения [Russett 1990; DeRouen 1995; Fordham 1998], в ряде эмпирических работ появилась также и критика чрезмерной генерализации роли внешней угрозы при решении внутриполитических проблем [Moore W.H. and Lanoue D. J. 2003; Oneal J.R. and Tir J. 2006].

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: sorokinAN@omsu.ru

Для пропаганды большую роль играет акцентуация глубинных цивилизационных, духовных различий. В частности, для консолидации населения вокруг правящего режима в советский период, начиная со Сталина, широко использовался образ Запада как коллективного врага и представление Родины как осаждённой крепости. В свою очередь, репрезентация России как вековой угрозы традиционным демократическим ценностям, глубоко укоренившаяся в западном массовом сознании, широко используется европейскими политиками. Русская/советская угроза исторически являлась одним из катализаторов образования блоков в Европе. Примером военно-политических блоков, направленных полностью или частично против России, являются, например, антирусская коалиция в Крымской войне 1853–1856 годов, Тройственный и Четверной союзы, Антикоминтерновский пакт. Без советской угрозы было бы затруднительным образование, функционирование и расширение такой организации, как НАТО. Важнейшую роль инструментализация советской угрозы сыграла и в истории ФРГ.

В 1949 г. первым федеральным канцлером западногерманского государства был избран кандидат от Христианско-демократического союза (ХДС) Конрад Аденауэр (оставался у власти до 1963). Он по праву вошёл в историю как один из наиболее выдающихся немецких политиков. Основные и безусловные заслуги Аденауэра – ставка на социальную рыночную экономику и участие в инициировании западной интеграции, что гарантировало Федеративной Республике экономическое благополучие, безопасность, политическую стабильность. Под его руководством Германия прекратила поиски пресловутого особого пути немцев [Ежов 2003; Петелин 2006; Уильямс 2002].

Полной противоположностью кооперативной западной стратегии ФРГ выступала её восточная политика в 1949–1963 годах. Позиции канцлера в отношении Советского Союза выглядели последовательно непримиримыми. Установление дипломатических отношений в 1955 г. не привело к конструктивному развитию двусторонних отношений. Обличительная антисоветская риторика, отказ от диалога даже на фоне потепления международного климата в 1960-х, упреки в поддержке нелегитимного правительства «советской зоны» (ГДР), отклонение инициатив Москвы по воссоединению – таково основное содержание восточной политики Аденауэра.

Можно выделить две составляющие убеждений германского политика, которые в итоге вылились в жёсткий антисоветский курс. С одной стороны, им на самом деле «владело элементарное чувство угрозы со стороны Советского Союза» [Weidenfeld 1976: 146]. В этом сходятся все крупные исследователи внешней политики Аденауэра [Schwarz 1971: 80; Gotto 1974: 4; Haftendorn 1976: 92; Meissner 1976: 125; Niedhart, Altmann 1988: 100–107]. Превращение Советского Союза в сверхдержаву, создание социалистического блока в Восточной Европе и распространение коммунистической идеологии в мире – всё это способствовало формированию представлений об опасности с Востока.

С другой стороны, Аденауэр пытался рационально использовать фактор советской угрозы для интеграции ФРГ в западное сообщество – во внешней политике и для укрепления позиций собственной партии – во внутренней. Об этом свидетельствуют источники (мемуары, особенно публичные выступления, интервью) в сопоставлении с реальными внешнеполитическими шагами канцлера. Функциональный аспект конструирования советской угрозы впервые был раскрыт немецким специалистом Арнульфом Барингом на примере использования канцлером прецедента Корейской войны [Baring 1969]. Однако дальнейшее изучение этого вопроса не получило адекватного развития. Лишь некоторые историки вскользь затрагивали данную проблему и в основном при рассмотрении влияния Корейской войны на процесс западной интеграции ФРГ [Doering-Manteuffel 1983: 55; Morsey 1990: 28; Niedhart, Altmann 1988: 111; Weidenfeld 1976: 145]. Специальных исследований же

не существует вовсе. Вот почему, на наш взгляд, реконструкция функционального аспекта конфронтационной политики Аденауэра на восточном направлении представляется чрезвычайно актуальной.

1

Советская угроза имела для Аденауэра различные измерения, и военный компонент в ней не был доминирующим. Распространение в Европе коммунистической идеи с материализмом в качестве господствующей идейно-философской основы, советского общественно-политического устройства с его тоталитарным строем и низким уровнем жизни – всё это вызывало серьёзнейшие опасения канцлера. Считая собственный народ недостаточно политически зрелым [Schwarz 1971: 82–83; Baring 1969: 57–58], он боялся воздействия на него коммунистической идеологии: «Сорняк цветёт на плохой земле. Это касается и коммунизма. Поэтому мы должны стараться создать в нашей стране работу и безопасность, справедливый социальный порядок» [Adenauer 1975: 186–187]. Аденауэр регулярно с озабоченностью упоминал о росте влияния коммунистических партий в Италии и Франции, решив в своей стране проблему кардинально: запрет Коммунистической партии Германии в ФРГ произошёл в 1956 году. Аденауэр, ставший свидетелем двух мировых войн, боялся возможности новой изоляции своей страны на международной арене, в том числе за счёт реализации проектов нейтрализации Германии. Он с опаской относился к конференциям четырёх держав, двусторонним встречам СССР – Франция или СССР – США. Он видел в подобных контактах угрозу западной интеграции при участии Западной Германии, боялся, что нейтральный статус станет прелюдией её попадания в советскую сферу влияния.

Немецкие исследователи выделяют «потсдамский комплекс» канцлера. Сам он следующим образом выразился по этому поводу: «Бисмарк говорил о своём кошмаре коалиций против Германии. У меня тоже есть свой кошмар: он называется Потсдам. Опасность общей политики великих держав в ущерб Германии существует с 1945 г. и также продолжила существовать после основания Федеративной Республики. Внешняя политика Федеративной Республики с давних пор была направлена на то, чтобы выбраться из этой зоны опасности. Потому что Германия не должна оказаться между жерновов, тогда она пропала» [цит. по: Weidenfeld 1979: 186]. Не все современники Аденауэра разделяли тот комплекс негативных представлений, который формировал его образ советской опасности, потому подчёркивание наиболее понятного и осязаемого, военного аспекта угрозы могло представлять дополнительный инструментальный интерес для внешней политики канцлера.

Конрад Аденауэр рано осознал значение и прочность советского присутствия в Германии и Восточной Европе как итог Второй мировой войны. В то время как многим западным политикам ещё представлялись возможными компромисс с Советским Союзом, создание общей системы безопасности, согласованное устройство послевоенной Европы, он видел в сложившейся ситуации начало нового глобального конфликта, чёткие признаки «холодной войны». Причём не только видел, но и стремился эксплуатировать в соответствии с собственными взглядами.

Из письма Конрада Аденауэра бургомистру Дуйсбурга от 31 октября 1945 года: «У России в руках: восточная половина Германии, Польша, Балканы, вероятно Венгрия, часть Австрии. Россия всё больше избегает сотрудничества с другими великими державами и распоряжается в занятых ей областях полностью по своему усмотрению. В занятых ею странах уже сейчас господствуют совсем другие экономические и политические принципы, чем в остальной части Европы. Этим раздел на Восточную Европу, русскую область, и Западную Европу является фактом. В Западной Европе ведущими державами являются Англия и Франция. Незанятая Россией часть Германии является интегрированной частью Западной Европы. Если она останется

больной, это будет иметь тяжелейшие последствия для всей Западной Европы, также для Англии и Франции. В непосредственных интересах не только незанятой Россией части Германии, но и Англии, и Франции – сплотить Западную Европу под своим руководством, незанятую русскими часть Германии успокоить политически и экономически и сделать снова здоровой» [Adenauer 1987: 39–40].

Аденауэр использовал международную обстановку для воплощения в жизнь своей концепции. Во внешней политике он всеми силами стремился к интеграции ФРГ в систему западных демократий, достижению в этих рамках суверенитета, равноправия, уважения [Lappenk per 2008: 4–5]. Готовы ли были к этому западные державы? Опыт двух мировых войн, казалось, требовал ослабления Германии, недоверие к немцам было очень велико. Особенно со стороны Франции.

В этой связи канцлер осознанно использовал фактор советской угрозы. Арнульф Баринг так определил значение данного фактора: «Единственной общностью, к которой могли апеллировать немцы, была угроза с Востока. Не существовал ли самое позднее с пражского государственного переворота и берлинской блокады один противник: мировой коммунизм и его ведущая держава Советский Союз? Разрыву между Москвой и Западом ФРГ благодарна за своё возникновение, её значение возрастало для западных держав с интенсивностью холодной войны, а с её затиханием – падала» [Baring 1969: 68–69].

Рост противоречий между Советским Союзом и другими державами антигитлеровской коалиции мог быть объективно полезен ФРГ в начальный период существования. Опасность с Востока – реальная или мнимая – была действующим связующим звеном между Бонном и западными союзниками. С 1945 г. Аденауэр подчёркивал, что Россия не удовлетворится достигнутым в Восточной и Центральной Европе, а, верная своим империалистическим тенденциям, попытается втянуть в сферу влияния также и другие страны региона.

Особенно чётко функциональная роль «угрозы с Востока» проявилась в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда процесс западной интеграции ФРГ только начинался. Ярчайший тому пример – использование Аденауэром прецедента Корейской войны. Реакция в общественной и политической среде ФРГ на её начало 25 июня 1950 г. получила название «корейский шок». Война расценивалась многими как пролог нового глобального советского наступления посредством агрессии ассоциированных с Москвой стран в различных регионах мира. Предполагалось, что нападение КНДР на южного соседа произошло с согласия или даже по приказу И.В. Сталина. Значительную часть западногерманского общества охватили панические настроения – опасность новой вооружённой конфронтации многим виделась реальной. Проводились параллели между ситуацией в Южной и Северной Корее, с одной стороны, в Западной и Восточной Германии – с другой. В ГДР имелись милитаризированные отряды народной полиции в размере около 60 тыс. человек, в ФРГ же не было ни полиции, ни вооружённых сил. Бонну приходилось полагаться только на войска союзников [Herbert 2014: 635–636].

К этому периоду относится очень жёсткая антикоммунистическая риторика Аденауэра и заявления, что «в случае русской агрессии» ФРГ «будет первой жертвой» [Adenauer 1975: 184]. В своих мемуарах он так комментировал свои соображения в сложившейся ситуации: «Никто не мог абсолютно серьёзно верить, что, если дело дойдёт до войны с применением вооружённых сил, ведущие войну партии будут уважать границы лежащей между ними безоружной и беззащитной Германии. С абсолютной уверенностью можно было сказать, что тогда Германия превратилась бы в один из ведущих театров ведения боевых действий. Судьба несчастной Кореи стала бы нашей судьбой» [Adenauer 1994: 49].

Вскоре после начала Корейской войны Аденауэр предпринял практические шаги. 11 августа 1950 г. У. Черчилль предложил в Совете Европы создание коалиционной

армии с немецким участием. 29 августа германский канцлер отправил западным державам два меморандума о безопасности. В первом он просил усиления оккупационных войск и заявлял о готовности в случае создания западноевропейской армии внести вклад в форме немецкого контингента. Во втором – предлагал реорганизацию отношений за счёт отмены оккупационного статута. Таким образом связывались вопросы гарантий безопасности, блоковой принадлежности, политического равноправия. В первом меморандуме Аденауэр проводил параллель между ситуациями в Корее и Германии, указывал на силу советской группировки в Восточной зоне, создание народной полиции ГДР и беззащитность ФРГ в случае нападения [Adenauer 1987: 357]. С появлением проекта Европейского оборонительного сообщества в конце того же 1950 г. можно говорить о принципиальном согласии США и Франции с позицией Аденауэра.

По меньшей мере, вызывает вопросы, так ли высоко в действительности опытный политик оценивал угрозу прямой советской агрессии и возможность коммунистического переворота в ФРГ? Коренное отличие германской ситуации заключалось в том, что войска Москвы и Вашингтона здесь противостояли друг другу напрямую, в случае конфликта силы НАТО оказали бы поддержку США как члену пакта. Таким образом, военная акция ГДР в формате локализованного конфликта была немыслимой. Можно предположить, что едва ли Аденауэр действительно придерживался убеждения, что в ГДР готовятся военные мероприятия по корейскому сценарию. Как сенатор Ванденберг предлагал руководству США в начале Корейской войны «напугать американцев до чёртиков» советской угрозой [Freeland 1972: 89], так и Аденауэр старался использовать корейский прецедент в своих целях. При этом он хорошо понимал, какие возможности предлагают представления об угрожаемом положении ФРГ и Западной Европы. Такие его цели, как восстановление вооружённых сил, суверенитета, западная интеграция, получали дополнительную поддержку за счёт обострения «холодной войны». Отсюда, при действительном восприятии Аденауэром советской политики как вызова, акцентирование и заострение военного аспекта угрозы, демонизация образа СССР в целом.

2

В разгар переговоров по французской инициативе Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) в марте 1952 г. И.В. Сталин отправил западным союзникам ноту, в которой предлагалось объединение Германии при нейтральном статусе и создании её собственных вооружённых сил. Советский Союз выступил с инициативой, предлагавшей альтернативу западной интеграции ФРГ и решение германского вопроса. Сама серьёзность намерений СССР долгие годы остаётся предметом дискуссий в исторической науке [Филитов 2004; Wettig 2015]. Большинство немецких историков видят в инициативе Москвы больше пропагандистский манёвр, чем реальную готовность к объединению Германии [Ruggenthaler 2007; Wettig 2000]. Тем не менее ряд исследователей считают «ноту Сталина» упущенным шансом воссоединения [Loth 1994; Steininger 1990]. Применительно к позиции Аденауэра важно другое: для него советская нота не могла представлять альтернативу западному курсу ФРГ.

Одна из наиболее известных публичных реакций канцлера на этот документ – речь на совещании ХДС в Зигене 16 марта 1952 года. Она стала одним из самых ярких образцов антикоммунизма Аденауэра – всё выступление было выдержано в жёсткой антисоветской направленности: «Да будет нам ясно, что там (на Востоке) засел враг христианства. Здесь речь идёт не только о политических, но и о духовных опасностях... Для Германии есть три возможности: вхождение в Запад, вхождение в Восток и нейтрализация. Но нейтрализация означает для нас объявление ничьей страной. При этом мы станем объектом и не будем больше субъектом» [цит. по: Steininger 1990: 33–34].

В мемуарах Аденауэр в обычном ключе аргументировал приоритет западной инте-

грации перед советским предложением 1952 года: «Только когда Запад был силён, мог возникнуть удивительный исходный пункт для мирных переговоров с целью освободить не только Советскую зону, но и всю порабощённую Европу восточнее железного занавеса, а именно освободить мирным путём. Путь в Европейское сообщество показался мне лучшей услугой, которую мы могли оказать немцам в Советской зоне» [Adenauer 1987: 536]. Характеризуя свою первую реакцию на ноту, он пояснял: «Основной целью советской внешней политики было, как и прежде, предотвращение единства Европы. При любой возможности должны были создаваться помехи европейской интеграции за счёт исключения Германии. Германия должна была стать бессильным образованием, в котором Советский Союз на основе своего географического положения и своего силового превосходства получил бы определяющее влияние и которое он в любое время мог бы полностью втянуть в свою сферу влияния» [Adenauer 1994: 69–70].

В беседах с журналистами Конрад Аденауэр озвучивал те же мысли. Цель Советского Союза – изолировать Германию за счёт нейтрализации, остановить европейскую интеграцию, затем в ходе «холодной войны» подчинить Германию и Западную Европу (сделать её «русской») [Adenauer 1984: 308, 332].

СДПГ выступила с предложением приостановить подписание западных договоров и рассмотреть советское предложение. Используя своё доминирующее положение в системе канцлерской демократии, лидер ХДС приложил все силы к отклонению ноты. Появившееся в то время правительственные листовки, обращённые к населению ФРГ, описывали альтернативы Европейского оборонительного сообщества и согласия с советским предложением как выбором между свободой и рабством [An alle Deutschen 1953]. На одной из листовок Сталин держал в ладони военную технику с германскими опознавательными знаками, а подпись гласила: «Сегодня: немецкая национальная армия. Завтра: Германская Советская Республика» [Steininger 1996: 189]. Таким образом, имело место целенаправленное воздействие на общественное мнение со стороны правительства ФРГ, чтобы путем чёрно-белого противопоставления и преувеличения неявной угрозы добиться поддержки предпочтительного решения на внутриполитической арене.

Акцентирование советской угрозы Аденауэром имело значительные последствия для внутренней политики ФРГ. Антикоммунизм использовался в межпартийной борьбе как инструмент общественной консолидации. Канцлер стремился объединить общество вокруг своих идей и своей партии, противопоставляя им нечто чуждое и враждебное, постоянно говоря об опасности. Образ советской угрозы получил широкое распространение среди населения ФРГ, бывшего свидетелем двух мировых войн, подвергавшегося пропаганде национал-социализма, в которой одним из важных мотивов выступала большевистская опасность для христианской Европы. Пугая немцев «азиатской» диктатурой, Аденауэр апеллировал к эмоциям и глубоко сидящим страхам, которые он отчасти разделял, отчасти – намеренно преувеличивал.

Советский Союз выступал в образе конструирующего «Другого», на фоне которого немцы могли подчеркнуть собственную принадлежность к Западу. Значение образа «иного», или «чужого», подробно изучено имагологией [Журавлева 2012; Барабаш 2010]. Задачи жизнеобеспечения порождают конкурентные отношения отдельной социальной общности с окружающими. Зачастую подобные взаимодействия обосновывались с помощью негативных стереотипов, причём этот базовый для человеческой общности механизм сохраняется на протяжении истории человечества с древнейших времен по сегодняшний день [Земсков 2011: 23]. В периоды войн и конфликтов, как отмечает Е.С. Сенявская, национальные стереотипы зачастую трансформируются в однозначно отрицательный «образ врага», особенно если при этом

государственная пропаганда начинает активное целенаправленное воздействие на собственное население [Сенявская 2006: 3]. Главный признак репрезентации врага – это всегда дегуманизация, лишение человеческих черт. Этот образ крайне негативен и упрощён, цель воздействия государства – мобилизовать под своим флагом собственное население.

Линия фронта «холодной войны» переносилась Аденауэром во внутреннюю политику. Только партия ХДС могла, по его мнению, обеспечить адекватный отпор коммунизму. Наряду с неприятием советской идеологии канцлер придерживался антисоциалистических позиций. Немецкая социал-демократия была для него «прусской партией». Общей питательной почвой левых идейных течений он считал материализм. В 1950-х годах Аденауэр, до предела упрощая положение вещей, сближал западногерманскую СДПГ с советским коммунизмом [Doering-Manteuffel 1983: 32, 34]. Население ФРГ выбирало ХДС, а вместе с ними и западную интеграцию, в том числе и как средство против советской угрозы.

Аденауэру удалось обеспечить поддержку проекта Европейского оборонительного сообщества в ФРГ. Отклонение идеи ЕОС французским Национальным собранием 30 августа 1954 г. стало для него тяжёлым ударом. В своих воспоминаниях канцлер называл этот день «чёрным днём для Европы» [Adenauer 1994: 289]. Однако принципиальное согласие о включении Бонна в западное оборонительное сообщество было достигнуто, и уже в следующем году ФРГ стала членом НАТО. Вступление в силу в мае 1955 г. Парижских договоров означало для ФРГ, наряду с вхождением в Североатлантический альянс, окончание оккупационного режима и обретение суверенитета, хотя союзники сохранили права в отношении Берлина и Германии как целого [Die Außenminister-Konferenzen 2003].

Идея того, что на пути стремящегося к мировому господству коммунизма необходимо поставить плотину западного единства, продолжала чётко просматриваться в публичных выступлениях федерального канцлера. В силу географического положения на передовой линии «холодной войны» ФРГ, в глазах Аденауэра, должна была играть привилегированную роль. Эту идею он постоянно доносил до западных союзников. Одним из главных гарантов безопасности интеграции Бонна в Западную Европу он видел США. Ища поддержку по ту сторону океана, в статье в американском журнале «Лайф» в 1954 г. он писал: «Только плотина, которая создана вместе ещё свободными народами Европы в союзе со свободными народами мира, может сдержать дальнейшее продвижение коммунистической массы... Германия находится в середине этой плотины. Если середина непрочна, если она не противостоит любому коммунистическому давлению, нет больше сдерживания. Тогда коммунистический поток захлестнёт всю Европу. Задача Германии, историческая задача Германии в этот опасный период Европы, даже человечества, абсолютно ясна. Она должна помочь построить эту плотину, она должна сделать всё, что в её силах, чтобы эта плотина не могла быть прорвана» [цит. по: Weidenfeld 1979: 144–145].

Аденауэр в своих речах, особенно на начальных этапах европейской интеграции, часто использовал понятия «Запад» («Абендланд»), «европейский Запад», «христианский Запад». Их исторические корни восходят к периоду романтизма. Идеи Абендланда основывались на представлениях католической интеллигенции об общих культурных началах европейских наций, лежащих в средневековой церкви и Священной Римской империи [Faber 2002]. С 1945 г. понятие «Запад» переживало ренессанс – если раньше миссией Европы была борьба с гуннами, монголами, турками, то сейчас с варварского Востока пришла новая опасность в лице Советского Союза. Христианскому Западу противостояли теперь секуляризация и атеизм [Geppert 2002: 91–92; Schild 1999: 19.]. Канцлер активно эксплуатировал идею «спасения христианского Запада» перед лицом тоталитарного Советского Союза. В выступлениях он неоднократно подчёркивал куль-

турно-историческую общность народов Европы, включая немцев, с одной стороны, и чуждость, враждебность советской системы по отношению к этой общности – с другой. Существовавшая угроза требовала сплочения «свободных народов» ради спасения «христианского Запада».

Аденауэр так презентовал эту мысль: «...На одной стороне стоит огромная сила Азии, представленная Россией и её государствами-сателлитами, усиленная авангардом коммунистических партий в различных странах мира, эта огромная сила, которая совсем другого духа и образа мысли, чем мы, европейцы Запада... Европа, несмотря на свои маленькие размеры, несмотря на свою военную слабость, играет очень большую роль в этой борьбе, так как именно в Европе находится оплот и источник христианского духа Запада, ибо в конечном итоге речь идёт о духовном противостоянии больших масштабов» [Adenauer 1975: 126–127]. Идея коллективного спасения христианского Запада объективно работала на интеграцию ФРГ в евроатлантическое сообщество, а сам Аденауэр активно позиционировал себя как одного из ведущих государственных деятелей Запада [Görtemaker 2004: 260].

Между тем обличительная риторика канцлера соседствовала с трезвым суждением, что от Советского Союза не исходит прямой военной опасности. Германский политик считал конфликтный образ действий СССР во внешней политике рационально контролируемым, в том числе поддающимся регулированию со стороны Запада. Немецкие историки Нидхарт и Альтманн подчёркивают, что, «по убеждению Аденауэра, Советский Союз был готов к сосуществованию, потому что не мог изменить собственными силами международное соотношение сил в свою пользу» [Niedhart, Altmann 1988: 108]. Сам Аденауэр в мемуарах относительно периода 1955–1959 гг. заключал: «Опасность вооружённого конфликта была с некоторого времени сдерживаема русскими; не нам, свободным народам в угоду, а в угоду себе» [Adenauer 1989: 140]. Канцлер считал борьбу с коммунизмом во многом духовной, однако не брезговал для этой цели преувеличением угрозы военно-политической, в ярких красках расписывая антигуманную, антихристианскую и антиевропейскую сущность противника. После включения ФРГ в западную систему союзов в 1955 году – достижения основной внешнеполитической цели канцлера – антисоветская риторика Аденауэра несколько растеряла былой накал. Например, в его публичных высказываниях постепенно отошла на второй план эмоциональная оценка Советского Союза как азиатской диктатуры.

3

Аденауэр пришёл к власти, когда «холодная война» уже была реальностью, а годы его правления выпали во многом на её апогей. Транслируя образ врага на внутриполитической и внешней аренах, канцлеру не приходилось изобретать ничего принципиально нового – он подхватил риторику западных союзников по антигитлеровской коалиции, использовав формирование биполярной системы в своих целях. Сформулированная американским дипломатом Джорджем Кеннаном теория сдерживания, которая с 1947 г. в значительной степени определяла политику США и нашла практическое выражение в «доктрине Трумэна» и плане Маршалла, была нацелена на усиление Западной Европы (вместе с ФРГ) для предотвращения распространения советского влияния в регионе. Основным положением теории было декларирование экспансионистского характера советской внешней политики, которому следовало противопоставить сильный во всех отношениях лагерь западных демократий [Gaddis 1982]. Аденауэр предельно прагматично использовал шанс молодой ФРГ подняться за счёт противоречий Востока и Запада, в этом смысле Западная Германия извлекала выгоду из американской политики, в основе которой, в свою очередь, лежало гегемонистское стремление добиться преобладания в Западной Европе [Conze 2009: 52].

Период с 1949 по 1954 г. выделяется как наиболее интенсивный в смысле функцио-

нального использования Аденауэром фактора советской угрозы, и апофеоз такой секьюритизации приходится на 1952-й – год дебатов относительно ноты советского правительства, предлагавшей объединение Германии как альтернативу вступлению ФРГ в западноевропейское оборонительное сообщество. Этот этап становления внешней политики ФРГ характеризуется ориентацией как на европейское, так и на атлантическое сообщество с приоритетом на единение Европы. Антисоветская риторика Аденауэра была направлена в это время как на региональных партнёров, так и на США и в целом находила положительный отклик. После восстановления суверенитета, вхождения в НАТО, а также на фоне общей разрядки напряжённости канцлер в 1955 г. пошёл на установление дипломатических отношений с Советским Союзом, посетил Москву и встретился с Н.С. Хрущёвым. Субстанционально его отношение к СССР не изменилось, однако антисоветская риторика, транслирующая образ врага на внутриполитической и внешней арене, значительно потеряла в накале, поскольку её инструментальное использование на первом этапе успешно способствовало достижению основных целей (включение в западную систему союзов и восстановление суверенитета, отклонение проектов по объединению Германии, предполагавших нейтрализацию страны).

Период 1955–1958 гг. характеризуется меньшей интенсивностью обращения к фактору советской угрозы, однако полностью канцлер от него не отказался как в публичных выступлениях, так и в запротоколированных приватных беседах с лидерами Франции и Великобритании: главный результат хотя и был достигнут, но нуждался в консолидации. Угроза в отношении ФРГ в глазах Аденауэра хотя и уменьшилась, но далеко не исчерпала себя. Например, в беседе с британским премьер-министром Иденом в 1955 г. он заметил, что цель русских – вытеснить США из Европы и «достичь так или иначе господства над миром» [Adenauer-Archiv: III/54]. Годом позже лидеру лейбористов Гайтскеллу (в социал-демократах канцлер видел потенциальных союзников коммунистов) – западногерманский лидер вовсе заявил, что «советская опасность для Европы серьезнее, чем во времена Сталина» [Adenauer-Archiv: III/54].

Этот этап внешней политики ФРГ характеризуется также тесным сотрудничеством с США и преобладанием роли атлантического партнёрства [Besson 1970: 60, 100, 223, 267]. Аденауэр нашёл единомышленника в лице государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса – последовательного антикоммуниста и верного союзника в «холодной войне», который разделял основные убеждения и цели западной и восточной политики канцлера, не нуждаясь в дополнительной аргументации антисоветского курса [Görtemaker 2004: 312–316; Adenauer 1989: 161–171].

В конце 1958 года, в условиях начавшегося второго Берлинского кризиса, Аденауэр сосредоточил усилия на том, чтобы отстоять свои основные позиции в германском вопросе перед лицом колебаний со стороны Великобритании и США, которые были готовы к обсуждению статуса Берлина с Москвой. Функциональную роль антисоветской риторики вновь возросла. Наибольшую угрозу позициям канцлера несли в тот период изменения в американском руководстве: в 1959 г. умер госсекретарь Даллес, а в 1960 г. президентом Соединённых Штатов стал Джон Кеннеди, сигнализировавший готовность полномасштабного прямого диалога США с СССР по важнейшим мировым проблемам. По свидетельству Киссинджера, «Кеннеди надеялся положить раз и навсегда конец советско-американскому конфликту путём прямых переговоров сверхдержав и использовать Берлинский кризис как поворотный пункт» [Киссинджер 1997: 527]. В заключительный период канцлерства Аденауэра обращение к советской угрозе вновь стало играть приоритетную роль при отстаивании внешнеполитических позиций перед лицом изменений на международной арене, к которым германский лидер оказался не готов [Winkler 2015: 350].

В новой ситуации Адернауэр нашёл поддержку в лице французского президента Шарля де Голля – с этого периода началось сближение Бонна и Парижа, приведшее к подписанию в 1963 г. двустороннего договора. Готовясь к встрече с французским президентом, Аденауэр сделал пометку в рабочих записях о том, что Германия и Франция должны серьёзно изучать внутреннее и внешнее развитие СССР, так как относятся «к наиболее угрожаемым со стороны Советского Союза странам» [Adenauer 2006: 307].

Между тем позиция канцлера перестала находить отклик в США. Усилия Аденауэра убедить Кеннеди в необходимости дальнейшей активизации сдерживания вековых, сугубо экспансионистских устремлений Москвы оказались тщетными. Из письма канцлера американскому президенту 1961 года: «Уже во времена царизма, по меньшей мере с Петра Великого, Россия была агрессивна и планировала постоянно расширение территории, особенно на Запад... Коммунизм не ограничил русский империализм, а усилил его» [Adenauer 2006: 24–25]. В подтверждение Аденауэр подарил Кеннеди книгу журналиста Дитера Фриде «Русский перпетум мобиле», обосновывавшую подобные аналогии [Friede 1959]. Политика Кеннеди по отношению к Советскому Союзу предполагала несколько иные подходы, чем политика сдерживания Эйзенхауэра и Аденауэра, в частности – налаживание и интенсификацию прямых контактов с СССР по гуманитарным и экономическим вопросам, проблеме разоружения [Киссинджер 1997: 527–528]. Одним из ярких свидетельств новых подходов во внешней политике США стало знаменитое выступление Кеннеди 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне, получившее название «Стратегия мира» [Sorensen 2003].

Аденауэр не первым и не последним из немецких политиков использовал фактор «русской угрозы» в собственных целях. Негативный образ России как варвара-завоевателя, широко распространённый с XVI в. в Германии, выступал одним из архетипов её общественно-политической мысли. Уже во время Ливонской войны 1558–1583 годов (Ливония тогда была частью Священной Римской империи германской нации) появились немецкие листовки, которые воспроизводили образ «диких московитов»: по аналогии с Турцией в центре лежала шаблонная картина жестокого завоевателя, который угрожает Европе (исследователи насчитывают до 50 подобных листовок преимущественно производства типографии Нюрнберга) [Kappeler 1988: 159]. Существованию негативного образа России способствовали и способствуют до сих пор как объективные события и процессы (в том числе вооружённые конфликты), так и культивируемые политической элитой и СМИ стереотипы и предубеждения.

В 2010-х годах, как и во времена канцлерства Аденауэра, при обсуждении перспектив выстраивания взаимодействия с Россией в германской политике вновь на первое место выходит вопрос секьюритизации, то есть рассмотрения в контексте безопасности всего комплекса двусторонних отношений (а также отношений Москвы и ЕС). Российская политика при этом однобоко рассматривается лишь как угроза безопасности европейского сообщества. Примером могут служить вопросы энергетики и инвестиций, в которых энергетическая зависимость от Газпрома, а также стремление российского капитала выйти на европейский рынок интерпретируются не столько как сугубо коммерческие проблемы, сколько как проявления геополитических амбиций Москвы[2].

Ещё в большей степени эксплуатация «образа врага», которая была характерна для политики Аденауэра, сегодня наблюдается в позиционировании отдельных стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Некоторые лидеры этих государств пытаются, как когда-то Бонн, добиться выгодного положения в евроатлантическом со-

[2] *Jakobik W.* Gazprom i geopolityka. URL: http://www.rp.pl/Publicystyka/306259948-Jakobik-Gazprom-i-geopolityka.html

обществе за счёт гиперболизации угрозы с Востока, используя сложившийся негативный образ России как извечной угрозы европейской системе ценностей, со стороны как абсолютного антипода Запада. При этом собственные страны преподносятся как форпост, передовая нового фронта сдерживания экспансионистских устремлений Москвы. Например, президент Латвии в 2018 г. высказала мысль, что «опасность российского вторжения велика»[3].

Само понятие «Восточная Европа» было сконструировано только в эпоху Просвещения (до этого воображаемая география Европы базировалась на оппозиции Юг–Север), процесс был неразрывно связан с самоизобретением Запада (Западной Европы), для которого восточные соседи начали выступать в роли конструирующего «Другого», отсталого и варварского [Вульф 2003].

В 1980-х – 1990-х годах с распадом социалистического блока интеллектуалы из стран, некогда входивших в него, воспользовались ситуацией, чтобы выделиться из Восточной Европы и позиционировать себя как часть Запада, которая была им предана и аннексирована Москвой. Начало процессу положил чешский писатель Милан Кундера в статье «Похищенный Запад». Его основные тезисы заключались в том, что Запад предал Центральную Европу в Ялте, отдал на растерзание Советскому Союзу, который является «вечной Россией»: «Россия – это не просто ещё одна европейская держава, ... тоталитарная русская цивилизация представляет собой радикальное отрицание современного Запада» [цит. по: Нойманн 2004: 202]. Как показывает норвежский специалист Ивэр Нойманн, после смены коммунистического режима этот дискурс стал частью официальной внешней политики стран ЦВЕ, в том числе в вопросе расширения ЕС и НАТО. Отзвуки морального упрёка за годы советского господства смешивались с требованиями преференций, экономической и военно-политической поддержки ввиду угрожаемого положения со стороны России [Нойманн 2004: 192–213].

* * *

В условиях «холодной войны» мобилизационный потенциал представлений о советской угрозе оказался востребованным при выстраивании внешнеполитической доктрины ФРГ. В этом смысле восточная политика Бонна не только определяла отношения с коммунистическими странами Восточной Европы, но и имела более широкое стратегическое значение. Антикоммунизм, общая угроза с Востока инструментализировались как стимулирующие факторы для интеграции ФРГ в западное сообщество. Христианская, демократическая Европа противопоставлялась атеистическому, тоталитарному, экспансионистскому Советскому Союзу. Транслирование образа врага и тиражирование негативных стереотипов в отношении Советского Союза стали важным инструментом внешней политики Аденауэра.

Этот инструмент в целом зарекомендовал себя как эффективный. Он содействовал достижению основных внешнеполитических целей канцлера – восстановлению суверенитета и вхождению в западную систему союзов при обеспечении поддержки собственного населения. Наибольшую интенсивность инструментальное обращение к советской угрозе имело место в период зарождения, становления и фиксации внешнеполитической ориентации ФРГ (1949–1954), а также на фоне возрастания риска колебаний западных союзников в период Берлинского кризиса и смены руководства в США (1958–1963).

Опыт секьюритизации послевоенной Германии активно воспроизводится в актуальной европейской политике. Воспользовавшись украинским конфликтом, начавшимся в 2014 году, некоторые лидеры государств ЦВЕ с удвоенной силой стали апеллировать к вековым страхам, связан-

[3] *Langer A.* "Die junge Generation ist bereit, unser Land zu verteidigen". Litauens Präsidentin im Interview // Spiegel Online. 19.06.2018. URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/ litauen-praesidentin-dalia-grybauskaite-im-interview-a-1212292.html

ным с русской угрозой. Польские политики с 2014 г. призывают увеличить контингент НАТО в стране[4]. Прибалтика рассчитывает на увеличение контингента НАТО, требуя мощного военного прикрытия и позиционируя себя как возможный объект российской агрессии. В частности, глава МИД Латвии заявлял в США, например, что страны Балтии рассчитывают на увеличение контингента, имея «такого соседа» и прецеденты Крыма и Донбасса[5]. Что это, как не очередное сознательное функциональное использование «русской угрозы»? Аналогия с украинскими событиями здесь некорректна (не вдаваясь сейчас в рассуждения об искажении самой сути конфликта), как когда-то аналогия Аденауэра с событиями корейскими. Между тем представители Киева заявляют о вторжении СССР в Украину и Германию, также апеллируя к «угрозе с Востока» в расчёте на широкую общественную поддержку в ЕС[6].

Вопрос конструирования советской угрозы в ФРГ является не только частным историческим сюжетом. Он органично вписывается в общие закономерности развития отношений европейских стран с Россией и сопоставим с текущей ситуацией. Описанный выше внешнеполитический приём использования «советской/русской угрозы» актуален и сегодня. Только последовательная информационная работа с обществом и элитой наших зарубежных партнёров в совокупности с собственной кооперационной внешней политикой способны переломить эту вековую тенденцию.

Список литературы

Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. 296 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.

Ежов В.Д. Конрад Аденауэр. Немец четырёх эпох. М.: Молодая гвардия, 2003. 311 с.

Журавлёва В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.

Земсков В.Б. Россия «на переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI в.). М.: Новый хронограф, 2011. С. 4–46.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: ЛАДОМИР, 1997. 848 с.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М.: Издательство АСТ, 2002. 708 с.

Филитов А.М. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия // Россия и Германия. Выпуск 3. М.: Наука, 2004. С. 311–330.

Adenauer–Archiv. Bestand III:54. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler–Adenauer–Haus.

Adenauer K. Briefe 1961–1963. Padeborn: Ferdinand Schöning, 2006. 577 S.

Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. 6. Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt, 1987. 589 S.

Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. 5. Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt, 1994. 556 S.

Adenauer K. Erinnerungen 1955–1959. 4. Auflage. – Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt, 1989. 551 S.

Adenauer K. Reden 1917–1967. Eine Auswahl / Hrsg. von H.–P. Schwarz. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt, 1975. 495 S.

[4] *Buckley N., Fontanella–Khan J., Cienski J.* Poland calls for Nato troop deployment // Financial Times. April 1 2014. URL: https://www.ft.com/content/3867c08a–b999–11e3–b74f–00144feabdc0

[5] *DeYoung K.* Baltic countries want a longer NATO commitment to counter Russia // The Washington Post 26.02.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national–security/baltic–countries–want–a–longer–nato–commitment–to–counter–russia/2016/02/26/811c200c–dcae–11e5–81ae–7491b9b9e7df_story.html?utm_term=.e13bb79afb8b

[6] *Ивашкина Д.* Яценюк заявил, что СССР напал на Германию и Украину в 1941 году // Комсомольская правда. 08.01.2015. URL: https://www.kp.ru/online/news/1942330/

Adenauer K. Teegespräche 1950–1954 / Bearb. von H. J. Küsters. – Berlin: Siedler, 1984. 815 S.
An alle Deutschen! Flugblatt der CDU mit Auszug aus der Regierungserklärung vom 3. Dezember 1952 // Haus der Geschichte, Bonn – EB-Nr.: 1993/11/0913.
Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München/Wien: Oldenbourg, 1969. 492 S.
Besson W. Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Erfahrungen und Maßstäbe. München: Piper, 1970. 493 S.
Conze E. Die Suche nach Sicherheit: Eine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von 1949 bis in die Gegenwart. München: Siedler Verlag, 2009. 1072 S.
DeRouen K.R.Jr. The Indirect Link: Politics, the Economy, and the Use of Force // Journal of Conflict Resolution 39 (3). 1995. P. 671–95.
Die Außenminister-Konferenzen von Brüssel, London und Paris, 8. August bis 23. Oktober 1954 // Dokumente zur Deutschlandpolitik. II. Reihe. Bd. 4. München: Oldenbourg, 2003. 876 S.
Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 279 S.
Faber R. Abendland. Ein politischer Kampfbegriff. Berlin/Wien: Philo, 2002. 205 S.
Fordham B. The Politics of Threat Perception and the Use of Force: A Political Economy Model of U.S. Uses of Force, 1949–1994 // International Studies Quarterly 42 (3). 1998. P. 567–90.
Freeland R.M. The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism: Foreign Policy, Domestic Politics, and Internal Security, 1946–1948. New York: Knopf, 1972. 419 p.
Friede D. Das russische Perpetuum mobile. Würzburg: Marienburg-Verlag, 1959. 244 S.
Gaddis J.L. Strategies of Containment. London: Oxford University Press, 1982. 512 pp.
Geppert D. Die Ära Adenauer. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 160 S.
Gotto K. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1954–1963 // Adenauer-Studien III. Untersuchungen und Dokumente zur Ostpolitik und Biographie. Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag, 1974. S. 3–91.
Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2004. 915 S.
Haftendorn H. Adenauer und die Europäische Sicherheit // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beiträge der Wissenschaft. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1976. S. 92–110.
Herbert U. Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert. München: C.H. Beck, 2014. 1451 S.
Kappeler A. Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Rußlandliteratur des 16. Jahrhunderts // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert. München: Wilhelm Fink, 1988. S. 150–182.
Lappenküper U. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949 bis 1990. München: R. Oldenbourg Verlag, 2008. 164 S.
Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin: Rowohlt Berlin Verlag, 1994. 285 S.
Meissner B. Die Ostpolitik Konrad Adenauers // Konrad Adenauer. 1876–1967. – Stuttgart/Zürich, 1976. S. 125–138.
Moore W.H. and Lanoue D.J. Domestic Politics and U.S. Foreign Policy: A Study of Cold War Conflict Behavior // Journal of Politics 65 (2). 2003. P. 376–96.
Morsey R. Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969. München: R. Oldenbourg Verlag, 1990. 274 S.
Niedhart G., Altmann N. Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 99–117.
Oneal J. and Tir J. Does the Diversionary Use of Force Threaten the Democratic Peace? // International Studies Quarterly 50 (4). 2006. P. 755–79.
Ruggenthaler P. Stalins großer Bluff: Die Geschichte der Stalin-Note in Dokumenten der sowjetischen Führung. München: R. Oldenbourg Verlag, 2007. 256 S.
Russett B. Economic Decline, Electoral Pressure, and the Initiation of Interstate Conflict // Prisoners of War? Ed. C. Gochman and A. N. Sabrosky. Lexington, MA: D.C. Heath, 1990. P. 123–140.
Schild A. Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur Ideenlandschaft der 50-er Jahre. München: R. Oldenbourg Verlag, 1999. 250 S.
Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag, 1971. S. 71–108.
Sorensen T. C. JFK's Strategy of Peace // World Policy Journal. Vol. 20. No. 3 (Fall, 2003). P. 2–6.
Steininger R. Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden. Band 2: 1948–1955. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 384 S.
Steininger R. Eine vertane Chance. Die Stalin-Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten. – Berlin/Bonn: Dietz, 1990. 158 S

Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn: Europa–Union–Verlag, 1976. 438 S.
Wettig G. Die Stalin–Note. Historische Kontroverse im Spiegel der Quellen. Berlin: be.bra Verlag, 2015. 210 S.
Wettig G. Programmatische und pragmatische Elemente in Stalins Deutschland–Politik 1945–53. Untersuchung aufgrund sowjetischer und ostdeutscher Akten // Historisch–politische Mitteilungen. 2000/7. S. 79–107
Winkler H.A. Geschichte des Westens: Vom Kalten Krieg zum Mauerfall. München: C.H.Beck, 2015. 1258 S.

INSTRUMENTALIZATION OF THE SOVIET THREAT IN ADENAUER'S FOREIGN POLICY

ALEXEY SOROKIN
Dostoevskiy Omsk State University, Omsk 644077, Russian Federation

Abstract

The instrumentalization of a factor of the Soviet threat by the federal chancellor Conrad Adenauer is considered in the article. The assessment by Adenauer of foreign policy opportunities and chances of Germany from the beginning of cold war is reconstructed. As main sources base the sources of a personal origin, especially public statements are used. Adenauer sought to use the growth of contradictions between the USSR and the western allies for the entry of Germany into the western system of the unions. Actions of the chancellor on rational application of the conflict the East-West for the western integration are considered on the examples of the use of precedent of the Korean war, inclusion of Germany in containment doctrines of communism, support of the ideas of "Christian Abendland's rescue". From the beginning of the Korean war Adenauer, significantly exaggerating the threat, addressed to the western powers with a request of additional guarantees of the safety meaning inclusion of Germany in the western defensive alliance. The chancellor emphasized Asian essence of the Soviet totalitarian empire, opposing it the free people of Christian Europe, continued repeating about the need of collective repulse to the Soviet threat, assigned a special part on a front line of Cold war to the Western Germany. Both foreign policy steps and Adenauer's initiatives, and techniques of internal political promotion for designing of public opinion are considered in the article. The chancellor used anticommunism in internal political fight as the instrument of consolidation of society round the ideas, round the party, opposing it something alien and hostile, constantly speaking about danger. Thus Adenauer consciously simplified the situation, overestimated a military-political component of the Soviet danger. As a result of the analysis the anticommunism, an anti-Soviet course by identification of exaggeration of threat, a demonizing of an image of the USSR is defined as functional, stimulating aspect of the German western integration.

Keywords:

German foreign policy; Conrad Adenauer; Cold war; West European integration.

References

(1952). *An alle Deutschen! Flugblatt der CDU mit Auszug aus der Regierungserklärung vom 3. Dezember 1952* [The leaflet of CDU with a fragment from the government statement of December 3, 1952]. Haus der Geschichte, Bonn. EB–Nr.: 1993/11/0913.
(1954). *Adenauer–Archiv. Bestand III:54. Gespraechaufzeichnungen mit führenden auslaendischen Politikern* [Protocols of conversations with the leading foreign politicians] // Stiftung Bundeskanzler–Adenauer–Haus.

Adenauer K. (2006). *Briefe 1961–1963* [Letters 1961–1963]. Padeborn: Ferdinand Schoening. 577 p.
Adenauer K. (1987). *Erinnerungen 1945–1953* [Memories 1945–1953]. 6. Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt. 589 p.
Adenauer K. (1994). *Erinnerungen 1953–1955* [Memories 1953–1955]. 5. Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt. 556 p.
Adenauer K. (1989). *Erinnerungen 1955–1959* [Memories 1955–1959]. 4. Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt. 551 p.
Adenauer K. (1975). *Reden 1917–1967. Eine Auswahl* [Speeches 1917–1967. Selected]. Ed. by Hrsg. von H.–P. Schwarz. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt. 495 p.
Adenauer K. (1984). *Teegespraeche 1950–1954* [Tea conversations 1950–1954]. Ed. by Bearb. von H. J. Küsters. Berlin: Siedler. 815 p.
Barabash V.V., Bordugov G.A., Kotelenets E.A. (2010). *Obrazy Rossii v mire* [Images of Russia in the world]. Moscow: Assotsiatsija issledovatelej rossijskogo obshhestva. 296 p.
Baring A. (1969). *Aussenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europaeischen Verteidigungsgemeinschaft* [Foreign policy in Adenauer`s chancellor democracy. Bonn contribution to the European defensive community]. Munich/Wien: Oldenbourg. 492 p.
Besson W. (1970). *Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Erfahrungen und Massstaebe* [German foreign policy. Experiences and scales]. Munich: Piper. 493 p.
Buckley N., Fontanella–Khan J., Cienski J. (2014). *Poland calls for Nato troop deployment* // Financial Times. April 1 2014. URL: https://www.ft.com/content/3867c08a–b999–11e3–b74f–00144feabdc0 (accessed: 25.06.2018).
Conze E. (2009). *Die Suche nach Sicherheit: Eine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von 1949 bis in die Gegenwart* [Security search: German History since 1949 up to the present]. Munich: Siedler Verlag. 1072 p.
DeRouen K. R. Jr. (1995). *The Indirect Link: Politics, the Economy, and the Use of Force* // Journal of Conflict Resolution 39 (3). P. 671–95.
Die Außenminister–Konferenzen von Brüssel, London und Paris, 8. August bis 23. Oktober 1954 (2003) // Dokumente zur Deutschlandpolitik. II. Reihe. Bd. 4. München: Oldenbourg. 876 S.
Doering–Manteuffel A. (1983) . *Die Bundesrepublik Deutschland in der Aera Adenauer. Aussenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963* [The Federal Republic of Germany in Adenauer`s era. Foreign policy and internal development 1949–1963]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 279 p.
Ezhov V.D. (2003). *Konrad Adenauer. Nemets chetyrekh epokh* [Konrad Adenauer – the German of four eras]. Moscow: Molodaja gvardija. 311 p.
Faber R. (2002). *Abendland. Ein politischer Kampfbegriff* [Occident. A political battle concept]. Berlin/Wien: Philo. 205 S.
Filitov A.M. (2004). *Nota 10 marta 1952 goda: prodolzhajushhajasja diskussija* [Note on March 10, 1952: the continuing discussion] // Rossija i Germanija. Vypusk 3. Moscow: Nauka. P. 311–330.
Fordham B. (1998). *The Politics of Threat Perception and the Use of Force: A Political Economy Model of U.S. Uses of Force, 1949–1994* // International Studies Quarterly 42 (3). P. 567–90.
Freeland R.M. (1972). *The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism: Foreign Policy, Domestic Politics, and Internal Security, 1946–1948*. New York: Knopf. 419 p.
Friede D. (1959). *Das russische Perpetuum mobile* [Russian Perpetuum mobile]. Wuerzburg: Marienburg–Verlag. 244 p.
Gaddis J. L. (1982). *Strategies of Containment.* London: Oxford University Press. 512 p.
Geppert D. (2002). *Die Ära Adenauer* [Adenauer`s era]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 160 p.
Gotto K. (1974). *Adenauers Deutschland– und Ostpolitik 1954–1963* [Adenauer`s german and east policy 1954–1963] // Adenauer–Studien III. Untersuchungen und Dokumente zur Ostpolitik und Biographie. Mainz: Matthias–Gruenewald–Verlag. P. 3–91.
Goertemaker M. (2004). *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland* [History of the Federal Republic of Germany]. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag. 915 p.
Haftendorn H. (1976). *Adenauer und die Europäische Sicherheit* [Adenauer and European security] // Konrad Adenauer und seine Zeit. Bd. 2. Beitraege der Wissenschaft. Stuttgart: Deutsche Verlags–Anstalt. P. 92–110.
Herbert U. (2014). *Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert* [German history in the 20th century]. Munich: C.H. Beck. 1451 P.
Kappeler A. (1988). *Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts* [The German leaflets about Muscovites and Ivan the Terrible in literature on Russia during 16th century] // Russen und Russland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert. Munich: Wilhelm Fink, 1988. P. 150–182.
Kissinger H. (1997). *Diplomatija* [Diplomacy]. Moscow: Ladomir. 848 p.

Lappenkueper U. (2008). *Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949 bis 1990* [German foreign policy from 1949 to 1990]. Munich: R. Oldenbourg Verlag. 164 P.

Loth W. (1994). *Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte* [Unloved Stalin`s child. Why Moscow didn't want the GDR]. Berlin: Rowohlt Berlin Verlag. 285 P.

Meissner B. (1976). *Die Ostpolitik Konrad Adenauers* [The east policy of Konrad Adenauer] // Konrad Adenauer. 1876–1967. Stuttgart/Zurich. P. 125–138.

Moore W. H. and Lanoue D. J. (2003). *Domestic Politics and U.S. Foreign Policy: A Study of Cold War Conflict Behavior* // Journal of Politics 65 (2). P. 376–96.

Morsey R. (1990). *Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969* [The Federal Republic of Germany. Foundation and development until 1969]. Munich: R. Oldenbourg Verlag. 274 P.

Neumann I. (2004). *Ispol'zovanie "drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Uses Of The Other: "The East" in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel`stvo. 336 p.

Niedhart G., Altmann N. (1988). *Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers* [Between evaluation and judgment: The Soviet Union in Konrad Adenauer's assessment] // Adenauer und die deutsche Frage. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht. P. 99–117.

Oneal J. and Tir J. (2006). *Does the Diversionary Use of Force Threaten the Democratic Peace?* // International Studies Quarterly 50 (4). P. 755–79.

Petelin B.V. (2006). *Konrad Adenauer: patriarch germanskoj politiki* [Konrad Adenauer: patriarch of the German policy] // Novaja i novejshaja istorija. No. 3. P. 142–169.

Ruggenthaler P. (2007). *Stalins großer Bluff: Die Geschichte der Stalin–Note in Dokumenten der sowjetischen Führung* [Big Stalin`s bluff: history of Stalin`s note in documents of soviet leadership]. Munich: R. Oldenbourg Verlag. 256 p.

Russett B. (1990). *Economic Decline, Electoral Pressure, and the Initiation of Interstate Conflict* // Prisoners of War? Ed. C. Gochman and A. N. Sabrosky. Lexington, MA: D.C. Heath. P. 123–140.

Schild A. (1999). *Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur Ideenlandschaft der 50–er Jahre* [Between the West and America. Studies of an ideological landscape of the 50s]. Munich: R. Oldenbourg Verlag. 250 p.

Schwarz H.–P. (1971). *Das aussenpolitische Konzept Konrad Adenauers* [Foreign policy concept of Konrad Adenauer] // Adenauer–Studien I. Mainz: Matthias–Gruenewald–Verlag. P. 71–108.

Senjavskaja E.S. (2006). *Protivniki Rossii v vojnah XX veka: Evoljucija „obraza vraga" v soznanii armii i obshhestva* [Russian opponents in wars of the XX century: Evolution of "an enemy image" in consciousness of army and society]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja entsiklopedija (ROSSPEN). 288 p.

Sorensen T. C. (2003). *JFK's Strategy of Peace* // World Policy Journal. Vol. 20. No. 3 (Fall, 2003). P. 2–6.

Steininger R. (1996). *Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden. Band 2: 1948–1955* [German history since 1945. The description and documents in 4 volumes. Volume 2: 1948–1955]. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag. 384 p.

Steininger R. (1990). *Eine vertane Chance. Die Stalin–Note vom 10. März 1952 und die Wiedervereinigung. Eine Studie auf der Grundlage unveröffentlichten britischer und amerikanischer Akten* [A missed chance. Stalin`s note and reunification. Research based on unpublished British and American documents]. Berlin/Bonn: Dietz. 158 p.

Weidenfeld W. (1976). *Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers* [Konrad Adenauer and Europe. Spiritual fundamentals of the Western European integration policy of the first Bonn chancellor]. Bonn: Europa–Union–Verlag. 438 p.

Wettig G. (2015). *Die Stalin–Note. Historische Kontroverse im Spiegel der Quellen* [Stalin`s note. Historical controversy in reflection of sources]. Berlin: be.bra Verlag. 210 p.

Wettig G. (2000). *Programmatische und pragmatische Elemente in Stalins Deutschland–Politik 1945–53. Untersuchung aufgrund sowjetischer und ostdeutscher Akten* [Program and pragmatic elements in Stalin`s German policy in the 1945–53rd. Research based on Soviet and East German documents] // Historisch–politische Mitteilungen. 2000/7. p. 79–107.

Williams Ch. (2002). *Adenauer. Otets novoj Germanii* [Adenauer. The father of the new Germany]. Moscow: Izdatel`stvo AST. 708 p.

Winkler H.A. (2015). *Geschichte des Westens: Vom Kalten Krieg zum Mauerfall* [Western history: from Cold War to Fall of the Wall]. Munich: C.H.Beck. 1258 p.

Wulf L. (2003). *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: The map of the civilization on the mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 548 p.

Zemskov V.B. (2011). *Rossija "na perelome"* [Russia on a change] // Na perelome: obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul`ture, literature Evropy i Ameriki (konets 20–nachalo 21 vv.). Moscow: Novyj chronograf. P. 4–46.

Zhuravleva V.I. (2012). *Ponimanie Rossii v SSHA: obrazy i mify, 1881–1914* [Understanding of Russia in the USA: images and myths, 1881–1914]. Moscow: RGGU. 1136 p.